

УДК 821.16-311.6 „18“

В. Б. Мусий,

доктор филологических наук,
профессор кафедры мировой литературы
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова,
Французский бульвар, 24 / 26, г. Одесса, 65058, Украина,
тел.: (048)746- 56-97,
urd7@rambler.ru

МЕСТО КАТЕГОРИЙ „СВОЕ“ И „ЧУЖОЕ“ В ОБРАЗЕ ПРЕДКОВ СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯН В РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ XIX ВЕКА

Статья посвящена типологическому изучению произведений В. Нарезного, З. Волконской, Ю. Словацкого и Ю. Крашевского. В них отмечено преобладание легендарно-мифологического плана над фактическим, близость в образе славянства как мирного народа, отличающегося одухотворенностью. Различие в развитии универсальной для любой этнической картины мира оппозиции „свое – чужое“ мотивировано художественным направлением, к которому принадлежат авторы, а также их концепциями национальной истории.

Ключевые слова: оппозиция, романтизм, историзм, художественное сознание, национальная специфика.

Одной из отличительных черт мировой культуры последних десятилетий XVIII – начала XIX века является стремление к решению проблемы основ национальной идентичности. Не только ученые, но и писатели обращаются к изучению народного быта, фольклора с тем, чтобы осмыслить специфику национальной картины мировидения. Оппозиции „свое – чужое“ принадлежит в ней основополагающее место. В предлагаемой статье мы остановимся на нескольких произведениях, в которых идет речь о начальных этапах жизни славян, с тем, чтобы на основе изучения особенностей стратегии поведения их героев по отношению к этническому „своему“ и „чужому“ выявить особенности воплощенной в этих произведениях авторской концепции истории нации. Это „Славенские вечера“ В. Т. Нарезного, „Сказание об Ольге“ З. А. Волконской, „Лилла Венеда“ Ю. Словацкого и „Старое предание“ Ю. Крашевского.

Каждый из названных авторов стремился наиболее полно охватить историю своего народа. „Славенские вечера“ В. Нарезного –

цикл „песен”, действие которых отражает историю славян от древности до эпохи Игоря и Ольги. Судя по редакционной преамбуле к напечатанному в „Московском наблюдателе” „Отрывку из сказания об Ольге”, З. А. Волконская планировала создать историческое художественное повествование, состоящее из трех крупных частей. И „Лилла Венета” Ю. Словацкого, и „Старое предание” Ю. Крашевского, как известно, мыслились в качестве звеньев циклов произведений о судьбе Польши, начиная с древнейшей эпохи и завершая современностью. Немаловажным является и то, что каждый из авторов, обратившись к художественному воссозданию прошлого славян, опирался не только на труды историков, но и на легендарно-мифологический материал: „Славенские вечера” В. Нарезного представляют собой мифологизацию реальных и вымышленных героев прошлого; З. Волконская строила повествование об Ольге по модели мифа о культурном герое; трагедия Ю. Словацкого является авторским мифом, в котором романтическая фантазия доминирует над точностью фактов. Поясняя это, Е. Нахлик ссылается на слова самого поэта, который в Посвящении к „Балладине” заявил, что „instynkt poetyczny” „lepszy od rozsądku” [6, с. 155]. „У розмаїтти міфічних форм – пише Е. Нахлик, – поет убачав еволюційний поступ світу, а міф розумів „як заповідь, пророцтво правди” [6, с. 173]. Кроме установки самого Ю. Словацкого на авторское мифотворчество, следует иметь в виду и состояние исторической науки первой половины XIX века. „У „Lilli Wenedzie”, – пише А. Ковальчикова, – він творив польську історію для епохи, в якій її ще не було, про яку розповідала заледве якась легенда” [6, с. 156]. Ю. Крашевский, на первый взгляд, шел обратным путем: демифологизации истории. Наиболее яркое подтверждение этому – эпизод смерти князя и княгини в его романе. По сути, это переосмысление Ю. Крашевским обнаруженного им у Длугоша предания, согласно которому в трупах доведенных до смерти Попелем родственников завелись полчища мышей. Князь попытался спастись от них на острове, но мыши поплыли за его ладьей, проникли в башню, где сначала пожрали на глазах родителей детей, затем – жену князя, и, наконец, разорвали на маленькие кусочки самого Попеля („хоть бы косточка какая осталась” [4, с. 385–386]). В „Старом предании” победителями Хвостека и Брунгильды оказываются не мыши, а люди, Мешки (Мышки). Так в романе нашли выражение объективность и подчеркнутое акцентирование внимания на событиях – то, что

Л. К. Оляндэр отнесла к основным составляющим историзма Ю. И. Крашевского [7, с. 205]. Однако и этот писатель активно использовал легендарно-мифологический материал.

Общим для всех изученных нами произведений является выраженное в них понимание характера славянства как мирных народов, отличающихся одухотворенностью, что, в частности, проявляется в месте в их жизни поэзии. В „Славенских вечерах” В. Нарезного образ Певца имеет структурообразующий характер. Он присутствует в „зачине” книги для мотивировки воспоминаний о прошлом. Затем, в первой части, появляется с арфой в руках Певец эпохи древности. Одним своим обращением к воинам он укрощает сердца врагов, и они соединяются братской любовью [5, с. 30]. Именно в уста Певца вложена история славенов – мирного народа, живущего трудом на земле. Ю. Крашевский называет славян „гуслирами, не знающими мечей”, „мечтателями” [4, с. 389]. С золотой арфой короля венедов Друида связаны основные сюжетные мотивы в трагедии Ю. Словацкого. Королева Гвинона требует от Друида вызвать из нее духа-прорицателя. Затем игрой на золотой арфе Лилла Венедиа спасает отца, заклиная голодных змей. На арфу Гвинона обещает обменять своего сына, попавшего в плен к венедиа. И, наконец, в ящике от арфы королева отправляет венедиа тело задушенной ею дочери Друида. В то же время в трагедии Ю. Словацкого арфисты отнюдь не мирные. Они видят свой долг в том, чтобы „песней новой / Будить народ по селениям” [8, с. 278]. Арфа является для всех персонажей этой трагедии символом силы вождя венедиа, а характер арфистов обусловлен борьбой за национальные права. Центральная оппозиция, на которой строится повествование об этой борьбе („свое – чужое”) как „славянское – иноплеменное”. Эта оппозиция является ведущей в каждом из изученных произведений.

В первой части „Славенских вечеров” В. Нарезного повествуется о различии полян и „свирепых племен” Дулеба. Во второй вечер Певец вспоминает о противостоянии славенов и варягов. В третий – славенов и печенегов. В четвертый вечер Певец вспоминает о походах славян против греков. Однако каждый раз обнаруживается, что суть противостояния не в этнических различиях племен, а в том, что сталкиваются дикость и человечность. Поскольку же основным мотивом являются поиски героями руки престольной княжны, истории завершаются тем, что красавица достается наиболее благородному воину или же не достается никому. Так, к примеру, открывающая цикл

пара историй строится зеркальным образом. В обеих частях „чужой” вождь пускается или на открытую агрессию, или на обман. В обеих терпит поражение. Однако важнее асимметрия. Дулеб предпочитает смерть усмирению своего нрава, а Радимир, „князь берегов варяжских и ужас соседей”, склоняется к миру и получает княжну Всемилу. Возможно, главной причиной подобного развития оппозиции „свое – чужое” является принадлежность В. Т. Нарезного предромантизму, основанному на традициях сентиментализма. Этому направлению в русской литературе были присущи преимущественно дидактика и установка на приоритет нравственных ценностей. Однако и в романтическом „Сказании об Ольге” З. А. Волконской иноплеменное „чужое” не является антагонистическим для славян.

Создавая эпическое сказание о княгине Ольге, З. А. Волконская следовала норманнской концепции (ее сторонниками были Н. М. Карамзин, В. Н. Татищев), заключавшейся в том, что варяги – скандинавы. Хотя, как известно, высказывались и другие точки зрения (к примеру, Ю. И. Венелин считал их славянскими племенами). Напротив, в цикле В. Т. Нарезного Ольга – „дщерь славенская” [5, с. 103]. В „Сказании об Ольге” З. Волконской Ольга из скандинавских земель. В центре произведения – отношения между варягами и киевскими славянами. У них разные верования. Конюх Олегов славит Перуна, а везущий Ольгу в Киев к будущему мужу ее отец – Тора и всех богов Вальгаллы [3, с. 32]. Различны их характеры. Варяги воинственны, киевские славяне миролюбивы. Варяжские послы, явившись к Олегу, поясняют, почему договор с греками написан по-славянски: „...для того, что варяжский язык им, как храбрость, неизвестен” [3, с. 37]. В Олеге они по-прежнему видят своего вождя: „...нашему вождю, сильному” – говорят послы, призывая его вести их на греков [3, с. 38]. Однако Олег отказывается и говорит Ольге: „...теперь пора нам с тобой попить в теплоте в Киеве и **пожить по-славянски**” (выделено нами – В. М.) [3, с. 38]. Мудрость Ольги проявляется в том, что она постепенно усваивает уроки Олега, приспосабливается к новым для нее обычаям, в том числе и к тому, что наступило время мирных отношений с другими народами. Подобный процесс трансформации „чужого” в „свое” отсутствует в произведениях Ю. Словацкого и Ю. Крашевского. Оппозиция „свое” – „инациональное чужое” задана уже в начале романа Ю. Крашевского. Едущий по чужому для него краю немец Хенго, заметив у дороги каменного истукана, с презрением плюет на него. В свою очередь,

старухи с подворья Виша, „дрожа от страха перед чужим”, рвут траву, бросают ее по ветру с комьями земли и сплевывают „далеко вперед, чтобы отвести слез” [4, с. 21]. И Хенго, пряча янтарь, который выменял у Виша, незаметно плюет на него, тем самым очищая „чужое” от демонической силы.

Оппозиция „свое – чужое” как „родное – иноплеменное” проявляется и в отношении персонажей к языку. Приближаясь к жилищам славян, Хенго рекомендует сыну молчать: „Они называют нас немцами, хотя мы понимаем их язык...” [4, с. 17]. Их и в самом деле славяне считают их пришельцами из страны „немых”, „не знающих языка...” [4, с. 20]. В данном случае Ю.И. Крашевский отражает одну из наиболее характерных для носителей этноцентричного сознания особенностей: „...только язык „своей” культуры признается полноценным и пригодным для человеческого общения <...>, ибо с помощью „чужих” слов по определению невозможно передать „правильную” суть явлений” [1, с. 383]. Еще более важно, что иноплеменное оказывается причиной разрушения привычных связей между людьми. Последний из Попелей в романе Ю. Крашевского женат на немке, которая провоцирует его на преступления против кметов (земледельцев) с тем, чтобы подчинить славян власти саксов. Подобное мы обнаруживаем и в трагедии Ю. Словацкого.

„Лилла Венедэ” представляет трагическую историю гибели в борьбе с захватчиками племени венедов. Их противники – лехиты. Это одно из древних названий ветви польского народа. Но у Ю. Словацкого лехиты – неславянское племя, наделенное германо-скандинавскими чертами. Впоследствии оно превращается в господствующий в Польше класс – шляхту. Анна Новак считает, что на подобную концепцию истории Ю. Словацкого оказали влияние труды Иоахима Лелевеля, объяснявшего отход поляков от коренного национального духа, противопоставление лехитов кметам влиянием инонациональных факторов [9]. Сведения о венедрах („энетах”) появляются уже у античных авторов (Диодора, Плиния Старшего и др.). Хотя не все отождествляют их со славянами. Некоторые отмечают, что как этнос они отличаются от германцев, но по образу жизни ближе к ним, чем кочевникам-сарматам. Так или иначе, венеды, анты и склавины и в самом деле считаются предками славян.

Возможно, Юлиуш Словацкий опирался на те же легендарные предания об истории Польши, что и Ю. И. Крашевский. Близки создан-

ные ими образы Гвиноны и Брунгильды, с одной стороны, Леха и князя Хвостека из Лешеков, – с другой. Гвинона, „жестокая дочь Скандинавии” [8, с. 270], родом из Исландии. Анна Новак связывает имя не знающей меры в жестокости, мстительной и холодной Гвиноны с игрой слов в кельтском языке: „gwin” и „gwyn” („белый, ясный” и „неистовый”) [9]. Своих сыновей она приучает к крови и жестокости. Так, к примеру, она предлагает им целиться стрелой в поверженного старца, короля Друида, у которого велела своим слугам вырвать глаза. В такой же ненависти к славянам воспитаны и сыновья Брунгильды, мечтающие включиться в борьбу, напиток „крови кметов”: „Мы им покажем, как воюют саксы...” [4, с. 245]. Но Брунгильда не так отчаянна, как Гвинона: она требует увезти детей на свою родину. Обе превосходят своих супругов в коварстве.

Объединяет образы правительниц и исключительность ситуации их гибели. Гвинона идет до конца в жажде победить венедов. Узнав о гибели сына Лехона, она надевает рыцарские доспехи. Погибает она тогда, когда битва уже закончилась и безоружные венеды бежали. Гвинона же устремилась к холму (*I płomien wielki, czerwony, i wieniec / Czarnych postaci przy płomieniu krwawym*), на котором, как она думала, находился вождь племени: „А черные, стоящие вокруг / Костра, в котором два сгорело трупы, / Схватили урны с древним пеплом предков / И сверху бросили на королеву / Те страшные сосуды. И когда / Я подбежал, лежала королева, / Засыпанная прахом и костями, / Холодная, с раздавленной грудью <...>” [8, с. 377–378]. Брунгильда умирает в башне, где укрывается от захвативших городище кметов.

Интересно, что княгиня Ольга тоже из скандинавов. Как Брунгильда и Гвинона, она горда, мудра, инициативна. Как и они, сознает свое превосходство перед мужем. Однако, в отличие от жен Хвостека и Леха, Ольга в изображении З. А. Волконской миролюбива, не только не надевает на себя доспехи, как Гвинона, но, напротив, старается предотвратить выступление мужа и других варягов против киевлян. „Не слушайся отца и варягов: ты княжишь над славянами: а ведь что сделано Рюриком и Олегом, то все обдуманно, все зрело. Можно ли меньшему одолеть большее? Если все славяне соберутся да вздумают обступить вас и выжить, как вы с ними сладите?” [3, с. 54]. Здесь, как видим, „свое” – это варяжское, „чужое” – славянское. Однако призывает Ольга к тому, чтобы и к „чужому” относиться с уважением,

сближаясь с ним. Безусловно, подобное толкование Ольги – проявление мифологизации ее образа. „Жестока, коварна и хитра была святая княгиня Ольга, первая из русских вошедшая в Царство Небесное”, – пишет о реальной княгине Ольге М. Н. Виролайнен [2, с. 71]. Постараемся найти причины различия в образах правительниц из скандинавов.

Особенности „Лиллы Венеды”, как, собственно, и всей польской культуры этого времени, можно понять с учетом не только давнего прошлого страны, борьбы славянства с другими племенами, в том числе и германскими, или же средневековья, особенно XIV–XV веков, эпохи становления Польского государства, которому препятствовал Тевтонский орден. В первую очередь, необходимо помнить о современных Ю. Словацкому политических и идейных процессах. О том, что в „Лилле Венедэ” Словацкий выразил свое представление о том, что борьба за свободу для его соотечественников была „хлебом насущным”, пишет и А. Новак: „Ponieważ jednak sens utworu odpowiadał aktualnej sytuacji kraju, można traktować zagładę Wenedów jako fatalistyczne dziedzictwo Polaków, dla których walka z najeźdźcą stanowiła chleb powszedni” [9]. После 1795 года Польша как единое государство перестала существовать, поскольку была разделена между Россией, Пруссией и Австрией. Новый передел Польши произошел 9 июня 1815 года, после окончательного поражения Наполеона в Европе. В результате целью поляков стало восстановление целостности страны, сохранение национальных традиций. Борьба за национальную независимость продолжалась и в последние десятилетия XIX века, когда Ю. Крашевский работал над „Старым преданием” и „Историческими легендами”. Что же касается З. А. Волконской, то она, опираясь на норманнскую теорию формирования государства восточных славян, не могла представить непреодолимым противостояние между собственно славянами (киевлянами) и варягами (скандинавами). Кроме того, необходимо учитывать и установку писательницы на исключительность Ольги, субстанциональное назначение деятельности которой заключалось в утверждении христианского миролюбия как основы благополучия.

Выводы. Характер развития оппозиции „свое – иноплеменное, чужое” в изученных произведениях различен. У В. Нарезного конфликт имеет главным образом этический характер, и „свое” для кротких и

мудрых любимцев славы легко побеждает „чужое” (дикость) других племен. У З. А. Волконской представлен процесс трансформации в сознании и поведении скандинавки Ольги „чужого” славянского в „свое”. В трагедии Ю. Словацкого и романе Ю. Крашевского германо-скандинавское „чужое” выступает как абсолютно негативное и опасное для славянства. Оно отождествляется с роком из греческой трагедии в „Лилле Венедзе” и побеждается установлением связей с другими племенами и преодолением социальных разногласий внутри коллектива в „Старом предании” Ю. Крашевского. Выявление симметрии и асимметрии на уровне сюжетных мотивов и системы персонажей в изученных произведениях позволяет судить о воплощенной в произведениях авторской концепции национальной истории.

Список использованной литературы

1. Белова О. В. Восприятие „чужого” языка в народной культуре славян (этнолингвистический аспект) / О. В. Белова // Письменность, литература и фольклор славянских народов / XIV Международный съезд славистов. (Охрид, 10–16 сентября 2008 г.). Доклады российской делегации. – М. : Индрик, 2008. – С. 380–396.
2. Виролайнен М. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности / М. Виролайнен. – СПб. : Амфора, 2003. – 503 с.
3. Волконская З. А. Сказание об Ольге / З. А. Волконская // Предания веков. Русская историческая повесть XIX – начала XX столетия: В 2 т. – К. : Дніпро, 1990. – Т. 1. – С. 23–64.
4. Крашевский Ю. И. Старое предание. Роман из жизни IX века / Ю. И. Крашевский; пер. с польск. Е. М. Рифтиной. – М. : ГИХЛ, 1956. – 380 с.
5. Нахлік Є. Доля-Loś-Судьба: Шевченко і польські та російські романтики / Є. Нахлік. – Львів : Львівське відділення Інституту літератури ім. Т. Г. Шевченка, 2003. – 568 с.
6. Нарезный В. Т. Избранное / В. Т. Нарезный; сост., вступит. статья и примеч. В. А. Грихина, В. Ф. Калмыкова. – М. : Сов. Россия, 1983. – 448 с.
7. Оляндер Л. Волинський текст в українській та польській літературах (XIX–XX ст.): Монографія / Л. Оляндер. – Луцьк : Волин. нац. ун-т імені Лесі Українки, 2008. – 236 с.
8. Словацкий Ю. Избранные сочинения: В 2 т. / Ю. Словацкий; пер. с польск. под общ. ред. М. Рьльского. – М. : ГИХЛ, 1960. – Т. 2. – 703 с.
9. Mitologia i symbolika w „Lilli Wenedzie” J. Słowackiego / A. R. Nowak // Dostępność artykułu: <http://steen.free.fr/irl-ania/mithologia.htm>

В. Б. Мусій

МІСЦЕ КАТЕГОРІЙ „СВОЄ” ТА „ЧУЖЕ” В ОБРАЗІ ПРЕДКІВ СУЧАСНИХ СЛОВ’ЯН У РОСІЙСЬКІЙ І ПОЛЬСЬКІЙ ЛІТЕРАТУРАХ ХІХ СТОЛІТТЯ

Статтю присвячено типологічному зіставленню творів В. Наріжного, З. Волконської, Ю. Словацького та Ю. Крашевського. Увагу звернуто на домінування легендарно-міфологічного плану над фактичним, близькість образу слов’янства як мирного народу, головною ознакою якого є духовність. Відмінність у розвитку універсальної для будь-якої етнічної картини світу опозиції „своє – чуже” мотивується авторськими концепціями національної історії.

Ключові слова: опозиція, романтизм, історизм, художня свідомість, національна специфіка.

V. B. Musiy,

Doctor of Philology,

Professor of World Literature Department

Odesa I. I. Mechnikov National University,

24 / 26, Frantsuzky Blvd., Odesa, 65058, Ukraine,

tel.: (048)746-56-97

urd7@rambler.ru

PLACE OF CATEGORIES „OWN” AND „ALIEN” IN THE IMAGE OF MODERN SLAVS’ ANCESTORS IN RUSSIAN AND POLISH LITERATURE OF THE 19TH CENTURY

Summary

The purpose of this article is to study peculiarities of the Slavic world picture in historical literary works by V. Narezchny, Z. Volkonskaya, J. Slowacki and J. Krashewsky. Special attention is paid to the changes in the understanding of the category „own” as being appropriate to the collective spirit of traditional values and „alien” as being foreign and for this reason dangerous. Comparative methodology allows us to study the opposition „own – alien” at different levels. It plays the central role in the description of relations between different tribes (Slavs and Pechenegi, Slavs and Germans, etc.), in the disclosure of ethnic relations, in the artistic cognition of the initial process of being unified with other Slavic peoples’ religion. There was traced a relationship between „The Legend about Olga” by Z. Volkonskaya, on the one side, and „The Old Legend” by J. Krashewsky and „Lilla Weneda” by J. Slowacki as the links of the two cycles of works about the

history of Poland from ancient times till the 19th century, on the other side. A point of view is proposed that J. Slowacki and J. Krashewsky relied on the same mythological and legend sources, that both of them showed tragic consequences of the lack of unity, and focused on the opposition „Slavs – people of other tribes”. The author of this article believes that the character distinction of princesses from the Scandinavian countries is explained by the distinction in historical opinions. So, Z. Volkonskaya followed a „Norman” theory that the first Russian princess was from Scandinavia. Olga cared for peace with Kyiv Slavs. J. Slowacki, as well as the Polish historian J. Lelewel, considered that Lexi (Lechi) were not Slavic tribes. So Gwinona in „Lilla Weneda” aspires to the elimination of the Weneds (Slavs).

Results. The exposure of symmetry and asymmetry at the motive level and system of personages in the studied works allows us to judge the authorial conception of the national history. The practical value of the paper is connected with the comparative investigation of Romantic Slavic literatures.

Key words: opposition, romanticism, historicism, artistic cognition, national identity.

УДК 82.09:140.8

Н. М. Раковская,

кандидат филологических наук,

заведующая кафедрой мировой литературы

Одесского национального университета имени И. И. Мечникова,

Французский бульвар, 24 / 26, г. Одесса, 65058, Украина,

тел.: (048) 68-13-42,

rakovskaya2009@mail.ru

МЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО АП. ГРИГОРЬЕВА

В статье рассматривается ментальное пространство „органической” критики Ап. Григорьева. Делается акцент на мировосприятии критика, обусловленном мифологичностью, синкретизмом его мышления, что нашло отражение в стилевых особенностях критического текста.

Ключевые слова: критика, мифологизм, мифотворчество, стиль, интерпретация.

Постановка проблемы. В современном литературоведении очевиден интерес к теоретическим аспектам литературной критики. В этом плане отметим работы М. Лоскутниковой, Е. Добренко, Р. Громяка, И. Физер и др. Однако внимание исследователей, в основном, сосредоточено на модерном сознании литературной